

ТАБУИРОВАНИЕ СЛОВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РЕЛИГИЯ» В ФОЛЬКЛОРНЫХ ПОЭМАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

О.А. Полякова

Аннотация. Рассмотрено табуирование слов тематической группы «религия» в фольклорных поэмах М. Цветаевой, под которыми подразумеваются поэмы, написанные ею на народные сюжеты («Молодец», «Царь-Девница», «Переулочки», «Егорушка»). Именно фольклорная основа данных поэм делает правомерным комплексный подход к изучению слов-табу и позволяет рассматривать их как архаические. В качестве научной основы привлекаются работы в области этнографии, фольклора, этнолингвистики, современного русского языка и т.д. Исследование слов тематической группы «религия» дополняет анализ словесного табуирования, предпринятый автором в 2007 г. на примере других тематических групп («нечисть», «смерть», «имена», «люди», «пища» и т.д.) с помощью методов интерпретации художественного текста и лингвистического материала, семантического, фонетического и структурного анализа, сопоставления, описания, а также сравнительно-исторического метода. Конечной целью масштабной научной работы являются анализ и описание словесного табуирования в архаической и современной (этикетной) формах в поэтическом идиолекте М. Цветаевой, выделение традиционных черт табу и эвфемизмов и их авторских особенностей, их семантическая и структурная классификация. Семантически в составе тематической группы «религия» выделяются табу на слова и словосочетания *Бог, Богородица, ангел, ад, рай, грех (прелюбодейние), апостол Петр, аминь*. Их табуирование традиционно, но современными носителями языка не осознается как запрет. Основная форма табу – эвфемистические замены. Подбор эвфемизмов основан на общих для христианского и народного сознания представлениях о внешности образов, их функциях, пространственной характеристике явлений. Один раз табуирование осуществляется способом недоговаривания. Это недоговаривание обусловлено не только семантически, но и сюжетно, что характерно для недосказанных слов в фольклорных поэмах М. Цветаевой. Функции эвфемизмов данной тематической группы – отражение народных представлений о главных христианских понятиях, об устройстве мира и подчеркивание фольклорной основы поэм М. Цветаевой.

Ключевые слова: табуирование; М. Цветаева; табу; эвфемизм; недоговаривание; фольклорные поэмы.

Введение

Одним из наиболее важных и продуктивных направлений современной лингвистики является исследование поэтических идиолектов. Их анализ не только дает представление о мировоззрении авторов и их стилиобразующих приемах, но и позволяет лучше понять идею произведения, провести некие культурологические параллели, оценить сте-

пень влияния на творчество автора фольклорной, религиозной традиции и т.д. Поэтический идиолект М. Цветаевой – один из наиболее интересных и сложных для исследователей. Он уже давно является объектом пристального внимания лингвистов как в нашей стране (Л.В. Зубова, О.Г. Ревзина, Е.Б. Коркина и др.), так и за рубежом (М. Мейкин, Г.Ч. Павловская, В.А. Маслова и др.). Специфика идиолекта М. Цветаевой обусловлена лингвистическим чутьем автора как носителя русского языка, сочетающимся с превосходным знанием и переосмыслением иностранных языков, русской народной и европейской культуры, а также неординарностью цветаевского мировосприятия.

Установка на эксперимент была свойственна литературе XX в. В творчестве М. Цветаевой она проявилась «в том числе в освоении... фольклорных языковых традиций, в частности традиции словесного табуирования, основанного на древнейшем, архаическом представлении о мире. Сочетая архаические черты с современными, табу в поэтическом идиолекте М. Цветаевой представляет собой уникальное, специфическое по природе, семантике и функциям образование... В 20-х гг. XX в. (одновременно с оформлением “русского” русла в творчестве М. Цветаевой), табуирование было одним из наиболее ярких и часто используемых ею приемов» [1. С. 3]. Это позволяет говорить об актуальности выбранной нами темы. Применяя такие методы лингвистических исследований, как интерпретация художественного текста и лингвистического материала; семантический (с опорой на словарные дефиниции), фонетический и структурный анализ; сопоставление; описание; сравнительно-исторический метод, мы исследуем и опишем семантические, структурные, функциональные и другие особенности табу и эвфемизмов, относящихся к тематической группе (ТГ) «религия», в фольклорных поэмах М. Цветаевой («Молодец», «Царь-Девница», «Переулочки», «Егорушка»), гармонично сочетающих народную, традиционную основу с авторским переосмыслением сюжета.

Анализ табуирования слов, относящихся к ТГ «религия», является продолжением исследования этого явления в фольклорных поэмах М. Цветаевой на примере других тематических групп [1, 2]. Исследование слов именно этой ТГ представляется сложным, поскольку многие религиозные понятия, изначально подвергавшиеся табуированию в силу своей сакральности, со временем перестали восприниматься как обусловленные запретом и перешли, скорее, в разряд метафор или устойчивых эпитетов. Тем не менее современные исследователи табуирования включают религиозный культ в число 12 основных сфер использования эвфемизмов [3. С. 83–84; 4]. Сложность анализа слов данной ТГ обусловлена и спецификой авторского переосмысления религиозных традиций. Среди исследователей творчества и биографии М. Цветаевой нет единого мнения относительно ее отношения к право-

славию. Мы разделяем позицию С.Н. Лютовой, которая называет переосмысление и освоение православия Мариной Цветаевой эстетическим феноменом «многобожия поэта» [5. С. 13], выражающимся в наделении стихий магической силой, осознании амбивалентности бога, символическом восприятии явлений окружающего мира, чувстве сопричастности к ним и т.д. Иными словами, это православие, не пришедшее на смену язычеству, а сосуществующее с ним в мировосприятии поэта. По мнению исследователя Н.В. Крицкой, «прикасаясь к христианским догмам, поэтесса естественно проходит сквозь них в иное измерение» [6. С. 358], поскольку М. Цветаевой тесно в рамках традиционных христианских противопоставлений *добро – зло, ад – рай, Христос – Антихрист* и т.д. В связи с этим мы считаем возможным рассматривать слова ТГ «религия» с позиции табуирования как древнейшего запрета на действия, в том числе на произнесение слов с сакральной семантикой.

Исследование

Табуирование слов, относящихся к ТГ «религия» (в данном случае под религией понимается непосредственно христианская религия с характерными для нее образами. – *О.П.*), традиционно, поскольку на название Бога и предметов культа налагался один из древнейших запретов: «...нет и не было ни одного явления из области религии, которое в той или иной мере не было бы табуировано» [7. С. 25], «табу... называется нечто такое, что одновременно и свято, и стоит превыше обычного так же, как и опасное, и нечистое, и жуткое» [8. С. 36; 9. С. 114; 10. С. 107].

Табуирование, существующее со времен язычества в практически неизменном виде, стало охватывать и явления более позднего порядка, например христианство. Кроме того, в русской культуре христианские и языческие мотивы сосуществуют и тесно переплетаются, реализуясь в таком культурном феномене, как двоеверие, «третья догма», что отражено в фольклорных поэмах М. Цветаевой. К примеру, коллаж из языческих и христианских мотивов представляет собой поэма «Егорушка» [11. С. 121]. Можно выделить подобные черты и в поэме «Царь-Девница». В текст поэмы-сказки «Молодец», написанной на языческий сюжет, вплетается текст христианской литургии; демон-упырь и оборотень-Маруся в финале поэмы не проваливаются сквозь землю или исчезают, а возносятся к небесам, подобно ангелам. Во многом такая трактовка народного сюжета связана с мировоззрением М. Цветаевой. В ее понимании греховность и праведность, жизнь и смерть, рай и ад зачастую трудно различимы, а иногда и вовсе взаимозаменяются. Попадание в ад за грехи, которым пугают верующих христианские священники, М. Цветаева не воспринимала как наказание, потому что все-

гда ощущала свою предназначенность черту, считала свой (и шире – любой) поэтический дар не божьим, а чертовым; ощущала свое колдовское могущество и власть над словом; предвидела самовольный уход из жизни, нарушающий главную христианскую заповедь. Бытие всегда осознавалось ею как путь к инобытию.

Семантическая классификация табуированных слов. В текстах цветаевских фольклорных поэм табуируются многие христианские понятия. Некоторые эвфемизмы для их замены настолько традиционны, что уже перестали осознаваться в подобной функции носителями языка. Тем не менее по происхождению подобные слова являются эвфемизмами, поэтому они включены в перечень табуированных понятий и их замен, но детально проанализированы не будут. Итак, в фольклорных поэмах табуируются слова:

1) Бог (*Господь, мученик, праведник, Сын Богородичный, Царь наш Миротворец, Царь Небесный*);

2) Богородица (*Дева Чистая, Мать-Дева*);

3) ангел (ангелы) (*Воинство, золотые облака Господни, капрал, облачная рать, рать золотоперая, рать ширококрылая, Свет-Архандел, служба, солдат, солдат с крылами, солдат-крылат, солдат-таков-крылат, солдат такой крылат, спутник, страж в раю*);

4) ад (*подвалы* (в тексте данное слово выделила курсивом сама М. Цветаева, как и слово *престолы* – ‘рай’. Таким образом автор заранее подчеркнула семантическую значимость этих лексем, их важность для понимания текста, а также оппозиции заключенных в них значений ‘верх’ – ‘низ’, ‘рай’ – ‘ад’, ‘вознесение’ – ‘падение’, ‘святость’ – ‘греховность’ и т.п. – О.П.));

5) рай (*Град, дивный град (лазорец), престолы* (в тексте данное слово выделила курсивом сама М. Цветаева. – О.П.), *Серафим-град, Серафим-от-град, царство небесное*);

6) грех, прелюбодеяние (*сласть*);

7) апостол Петр (*ключарь, привратник*);

8) традиционное окончание любой молитвы (*А – [минь]*).

Классификация по способу табуирования. Табуирование слов в поэтическом идиолекте М. Цветаевой, в частности в фольклорных поэмах, осуществляется тремя способами:

1) табуированные слова заменяются эвфемизмами (это наиболее традиционный для народной культуры и наиболее продуктивный для успешной коммуникации способ);

2) табуированные слова недоговариваются, т.е. начало слова произносится, но, будучи незавершенным, оно не принимает традиционный фонетический облик, следовательно, запрет на произнесение именно этого слова соблюден;

3) табуированные слова не называются, т.е. просто опускаются, не произносятся, хотя их необходимость контекстуально очевидна.

Комплексный анализ. В фольклорных поэмах М. Цветаевой один раз слово ТГ «религия» подвергается табуированию способом умолчания-недоговаривания: «Аминь. // Помин, // Морская Хвалынь, // Синь-Савановна. // А – [минь]» [12. Т. 3. С. 277]. С одной стороны, последняя строка нарушает ритм, но рифмически завершает предыдущую, в которой при соответствующем ритму прочтении (незаконченный амфибрахий: Синь | Сà | ва | нов | нà) конечный звук *á* является ударным, как и единственный звук последней строки. При этом последний звук является продолжением звучания предыдущего, что делает ритм стихотворного отрывка подобным укачивающему ритму колыбельной. Такая интонация способствует отключению сознания адресата, поэтому характерна для заговоров и магических обрядов. По сюжету «Переулочков» приведенный отрывок – часть заклинательного обряда, совершаемого ведуньей над богатырем с целью подчинить себе его волю. Чтобы он не успел опомниться, речь ведуньи течет непрерывно, создается эффект бормотания, когда предыдущее слово «проглатывается» последующим. Таким образом, М. Цветаева вновь сюжетно оправдывает недоговаривание.

Слово *аминь* М. Цветаева воспринимала как закрепку, словесную формулу, обладающую магической силой: «Последняя строка “Молодца”: “До-мой. // В огонь синь” звучит как произнесенное: аминь: да будет так (с кем – произнести боюсь...)» [13. С. 161].

Для многих заговоров характерна кольцевая или рефренная композиция. С этой точки зрения последняя строка представляет собой слово *аминь*, традиционно используемое как в церковной молитве, так и в апокрифических по природе заговорах, основанных на молитве [14]. Заговоры являются одним из источников изучения табуирования (причем как в лингвистическом, так и в этнологическом аспектах), так что включение слова-табу в текст подобного рода вполне традиционно.

В остальных случаях слова ТГ «религия» табуируются способом эвфемизации.

Многие эвфемизмы (*Господь*, *Царь Небесный*, *Дева Чистая*, *царство небесное*) традиционны настолько, что современными носителями языка уже не идентифицируются как эвфемизмы, не имеют идейно-эмоциональной окраски, т.е. принимают характер лексических идиом. Поэтому подробнее проанализируем лишь те эвфемизмы или их семантические оттенки и особенности форм, которые могут свидетельствовать о более или менее выраженной степени авторского переосмысления.

1) Бог

Среди представленных эвфемизмов один выражает идею Бога как триединства – *Господь*. Эта лексема употребляется, когда называют

некую высшую силу, безотносительно к особенностям этого образа. В остальных эвфемизмах отражается разделение троицы, причем табуируются лишь две ипостаси: эвфемизмом *Царь Небесный* – Бог-отец, а эвфемизмами *мученик*, *праведник*, *Сын Богородичный* – Бог-сын. Табуированию не подверглась третья ипостась Бога – Дух святой, хотя в поэме «Егорушка» она представлена традиционным образом голубя, сидящего на плече у мальчика.

Вместо традиционного *Спаси Христос* или *Спаси Бог* (образованного из пожелания *Спаси вас (тебя) Бог / Христос / Господи* и перешедшего в *спасибо*) в «Молодце» используется «*Спаси праведник... Спаси мученик...*» [12. Т. 3. С. 334]. Внутренняя форма слова *спасибо* стерлась, значение его как оберега перестало осознаваться. А в сочетаниях *спаси Господи*, *спаси Христос* обращение к Богу очевиднее и слышится четче (аналогично цветаевское *спаси праведник*, *спаси мученик*). По сюжету эти слова произносят оборотни-нищие, а принадлежащие к нечисти не могут употребить имени Бога (ср. с запретом на упоминание имени Бога всуе). Лексемы *праведник* и *мученик* подчеркивают актуализацию ипостаси Бог-сын, очевидную в сочетании *Спаси Христос*.

Эвфемизм *Сын Богородичный* имеет просторечную форму, что подчеркивает фольклорную основу произведения.

2) Богородица

Эвфемистическое сочетание *Дева Чистая* («постоянный эпитет... у православных славян... заменяющий иногда ее имя» – Пречистая [15. С. 217]) традиционно для молитв и заговоров. Эвфемизм *Мать-Дева* менее распространен и более интересен по форме. Это инверсивное синтаксическое образование, в котором слово с атрибутивным значением стоит после определяемого слова, что характерно для фольклорного стиля. Таким образом, данный эвфемизм не свойствен традиционным христианским текстам и подчеркивает фольклорную основу поэмы «Егорушка».

Подбор эвфемизмов для называния Богородицы основан на выражении идей невинности Девы Марии как избранности (*Дева Чистая*, *Мать-Дева*) и святости материнства вообще.

Традиционным является написание слов, обозначающих Бога, Богоматерь с заглавной буквы в знак особого уважения и почитания их. В то же время такое написание может отражать на письме процесс наложения словесного запрета, поскольку представляет собой один из основных способов табуирования на письме – графическое изменение запретного слова.

3) Ангел(ы)

Ангелы, в отличие от священников, воспринимались М. Цветаевой с любовью: «*Но ангелов я любила*» [12. Т. 5. С. 48].

Согласно церковным канонам, в царстве небесном, как и в царстве земном, существует своя иерархия: царь – Бог, его подданные – души умерших праведников, его слуги – ангелы. На основании этого признака для называния ангелов М. Цветаевой используются эвфемизмы *Воинство*, *капрал*, *облачная рать*, *рать золотоперая*, *рать ширококрылая*, *служба*, *солдат*, *солдат с крылами*, *солдат-крылат*, *солдат-таков-крылат*, *солдат такой крылат*, *страж в раю*. Многие из них называют ангелов по внешним признакам (наличию крыльев), по месту обитания (облака). «*Ангелы не голубые, а огненные. Крылья – не легкость, а тяжесть (сила)*» [13. С. 65]. В народном восприятии ангелы – единое целое (*рать*, *воинство*), однако они, в свою очередь, тоже делятся на девять категорий (собственно ангелы, архангелы, серафимы и т.д. [16. С. 113]), что могло обусловить выбор эвфемизмов *солдат* и *капрал*, отражающих различие в военных чинах. «*Ангелы – Божьи крепостные*» [17. С. 265].

Слово *Воинство*, достаточно традиционное для православного дискурса и написанное в тексте поэмы «Царь-Девница» с заглавной буквы, выражают идею могущества сил добра, воплощением которых являются ангелы, почтительное отношение к ним, надежду народа на их помощь. В таком графическом оформлении оно противопоставляет значение 'ангелы' значению 'нечисть', реализованному в этой же поэме эвфемизмом *воинство вечернее*. В целом варианты слова *воинство*, реализованные в рамках одного произведения, выражают идеи неизменного существования и противостояния добра и зла, зеркальности и противоположности миров.

Группа эвфемизмов (*золотые облака Господни*, *Свет-Архандел* (просторечная форма), *рать золотоперая*) отражает цветовую символику образа ангелов, связь со светом как непременным атрибутом добра. Золото как колоризм выражает идею света, блеска, славы, праздника, благополучия и т.д. [18. С. 187]. Практически все церковные атрибуты, включая праздничные одежды священников, покрыты позолотой. Золото – символ славы Господа. Солнце – символ с теми же значениями – часто называют золотым.

Одна из главных функций ангелов – защита людей от нечистой силы. Считается, что на правом плече человека сидит Ангел-хранитель, приставленный Богом к каждому крещеному, поэтому можно суеверно сплевывать только через левое плечо, на котором сидит черт (об оппозиции «левый – правый» и ее реализации в народной культуре см.: [19–21]). Вероятно, в соответствии с этим подобран эвфемизм *спутник* для называния ангела – проводника Егорушки и волка по царству небесному.

В целом в традиционной народной культуре табу на называние ангелов соблюдается непоследовательно. Вероятно, это связано с необходимостью призывать ангела на помощь, в этом случае его наименование не табуируется. В целом же семантика ангелов, как и всего свя-

занного с церковью, сакральна, поэтому иногда осуществляется табуирование их названий.

4) Ад

Ад – один из ключевых компонентов христианской религии, бесконечное наказание и место обитания душ грешников после смерти. Он противопоставлен раю не только по смыслу, но и пространственно. В традиционной христианской модели мира рай находится сверху, на небесах (отсюда его традиционный эвфемизм *царство небесное*), соотносится со светом и садом; ад – внизу, под землей, соотносится с тьмой и пеклом. На этом пространственном положении двух важнейших элементов религии основано обращение М. Цветаевой к читателю, которое заключается в зашифровке значений ‘ад’ и ‘рай’ в эвфемизмах *подвалы* и *престолы* соответственно. Данные лексемы реализованы в тексте поэмы-сказки «Царь-Девница» при описании дворца царя Комара. Как часто происходит, М. Цветаева совмещает в одной лексеме несколько значений, т.е. происходит их компрессия, а само слово обладает в таком случае семантической емкостью. В самом прямом значении подвалы и престолы – это подвалы дворца и царский трон. Символически эти слова соответственно обозначают угнетенных простых людей, мужиков, подвластных царю-самодуру, и самого царя с ближайшими приспешниками, вольготно живущих в царском дворце. Наконец, третья оппозиция значений, наиболее отвлеченная, – это ад и рай как противоположные места обитания после смерти. Эта пара табуированных значений подкреплена авторским курсивным написанием слов в тексте в одном случае и раскрытием смысла в расширенном контексте: «*Над престолами – обломы // Облаков... // Под подвалами – погосты, // С черной костью нашей рабской, // С мертвой плотью нашей скотской*» [12. Т. 3. С. 267].

5) Рай

Помимо проанализированных выше эвфемизмов *престолы* и *царство небесное*, для называния табуированного понятия *рай* использованы эвфемизмы *Град, дивный град, дивный град лазорев, Серафимград, Серафим-от-град*.

Группа эвфемизмов выражает идею метафорического сходстварая как места обитания душ праведников с городом как местом обитания живых людей. В связи с этим заслуживает внимания то, что рай обозначен старославянизмом *град*, характерным для языка христианской богослужебной и канонической литературы, в то время как земное поселение обозначено древнерусским полногласным словом *город*, которое является основным в языке. В истории языка эти лексемы с общим значением и различной формой долгое время сосуществуют, отличаясь стилистической маркированностью и условиями употребления. Используемые в современных литературных произве-

дениях старославянизмы придают повествованию оттенок старины, вечности и величия; эти признаки могут быть соотнесены с образом рая как местом обитания предков и вечного божьего царства любви, добра и справедливости.

Эвфемизм *Серафим-град* – это аппозитивное сочетание, графическая оформленность которого (дефисное соединение), как и любого аппозитивного сочетания, способствует актуализации семантики каждой из частей эвфемизма. Актуальным в данном случае является значение слова *серафим* как названия старшего, ближайшего к Богу чина ангелов, ведь за эвфемизмом скрыто табуированное слово *рай* – место обитания ангелов, город ангелов.

Эвфемизм *дивный град лазорев* отражает цветовую символику. Традиционно лазурный цвет воспринимается как голубой, следовательно лазурь – это основной внешний признак небес [22. С. 234; 23. С. 161], а *дивный град лазорев* – город в небесах (ср. царство небесное). «В языке фольклора слова “лазорь”, “лазоревый” могут обозначать любой “красивый” цвет в его интенсивном проявлении» [20. С. 14], т.е. он воспринимается как красный, синий, желтый, белый и др. Но применительно к поэтическому идиолекту М. Цветаевой исследователи ее творчества говорят об особой семантической наполненности понятия *лазорь* – «синонима высшего, высокого, божественного. Для Цветаевой лазорь – символ абсолютного бытия, находящегося за пределами земной жизни» [24. С. 168]; «в идиолекте М. Цветаевой *лазорь* соотносится с высотой, далью, глубиной, бездной, запредельностью; это цвет бессмертия, святости, абсолюта; цвет иного, высшего мира, к которому стремится душа... В “Переулочках” лазорь определяется как место, отличное от ада..., куда можно попасть лишь с помощью крыльев..., то есть вознестись» [2. С. 176].

Эпитет *дивный* отражает представление о рае и «том» свете вообще как далеком и неведомом для человека мире. Усеченная форма прилагательного *лазорев*, характерная для языка народных произведений, подчеркивает фольклорную основу поэмы «Егорушка».

6) Грех (прелюбодееяние)

Эвфемизм *сласть* представляет собой вариант (без суффикса -о-) слова *сладость* и выражает идею торжества плоти в сочетании с христианской идеей греховности прелюбодееяния. Контекстуально подчеркнута идея расплаты за грехи: «*Сласть-то одна! // Мук-то двенадцать!* (по числу соблазненных ведуньей юношей. – О.П.)» [12. Т. 3. С. 275]. Эти идеи в целом традиционны (ср. с фразеологической единицей *запретный плод сладок*, метафорами *сладкие объятия*, *сладкие поцелуи*). Слово *сласть* в значении ‘удовольствие’ заимствовано из церковнославянского, старославянского *спасть*, которое имеет греческие соответствия *ῥδονή* – ‘удовольствие’, ‘наслаждение’; *γλυκύτης* – ‘сла-

дость' [25. С. 611]. М. Фасмер не выделяет в слове *сласть* значения 'сладость', однако в качестве этимонов приводит те же греческие слова со значениями 'удовольствие', 'наслаждение' [26. С. 667]. Это свидетельствует о давнем отождествлении в сознании людей понятий *удовольствие* и *сладость*. В мировосприятии М. Цветаевой в противовес христианской традиции плотское, физическое не считалось вторичным по отношению к душе. Это выражается в том числе в подборе подобного эвфемизма для табуирования одного из главных человеческих грехов и в переосмыслении образов героев. Ведунья во многом является выразителем авторских идей: «До того романтически игравшая в ворожею, в ведунью, Цветаева в конце 1920-х ею становится» [5. С. 26], «*Женщина – поскольку колдунья. И поскольку – поэт*» [13. С. 78]). Будучи ведьмой, ведунья сознательно нарушает христианские нормы, даже зная о последующем наказании, поэтому то, что запрещено верующим людям и пугает их, для нее привычно.

7) Апостол Пётр

Апостол Пётр является действующим лицом поэмы «Егорушка». Он не назван по имени, однако эвфемизмы, называющие его (*ключарь*, *привратник*), несомненно, указывают на этот образ, ведь Пётр был наделен функцией стража и ключаря. У восточных славян апостол Пётр – помощник Бога [27. С. 203], т.е. его имя может подвергаться табуированию. Следовательно, данные эвфемизмы не выражают специфических авторских идей и не идут вразрез с традиционными народными представлениями.

Выводы

Проанализировав табу ТГ «религия» и эвфемизмы, их заменяющие, мы пришли к выводу, что практически все они традиционны. Эвфемистическая сущность многих (*царство небесное* – 'рай'; *Господь*, *Царь Небесный* – 'Бог'; *Дева Чистая* – 'Богородица') стерта настолько, что современными носителями языка не осознается. Подбор эвфемизмов основан на общих для христианского и народного сознания представлениях о внешних чертах образов (*солдат-крылат* – 'ангел'), их функциях (*ключарь* – 'апостол Пётр', *служба*, *страж в раю* – 'ангел'), пространственной характеристике явлений (*подвалы* – 'ад'; актуальна также семантика подвала как нежилого помещения, часто забитого хламом).

Основная форма табу на слова данной ТГ – эвфемистические замены, что вполне традиционно. Эти эвфемизмы сближаются с эпитетами и метафорами, что может быть обусловлено символической и поэтической наполненностью религиозных текстов. Один раз табуирование осуществляется способом недоговаривания. При этом табуируется

слово *аминь* – традиционная закрепка христианских молитв, апокрифических и заговорных текстов. Это недоговаривание не только семантически, но и сюжетно обусловлено, что в принципе характерно для недосказанных слов в фольклорных поэмах М. Цветаевой. Такой способ табуирования является одной из ярких черт поэтического идиолекта М. Цветаевой.

Функции эвфемизмов данной ТГ, помимо отражения народных представлений о главных христианских понятиях, об устройстве мира, в основном сводятся к подчеркиванию фольклорной, народной основы произведений М. Цветаевой за счет использования просторечных и архаических форм (*Свет-Архандел, Сын Богородичный*), аппозитивных сочетаний (*Серафим-от-Град, солдат-таков-крылат*).

Из авторских черт можно отметить отражение особенностей цветаевского мировосприятия (например, семантическую наполненность слов *лазорь, лазоревый* или подбор эвфемизма *сласть* с положительной коннотацией для называния одного из смертных грехов).

Литература

1. **Рутер О.А.** Табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой (лингвистический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 28 с.
2. **Рутер О.А.** Табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой (лингвистический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 226 (+ 33) с.
3. **Твердохлеб О.Г.** Эвфемизмы в сфере устного народного творчества // Язык и культура. 2016. № 1 (33). С. 82–94.
4. **Аврорин В.А.** Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. Л. : Наука, 1975.
5. **Лютова С.Н.** Максимилиан Волошин и Марина Цветаева: Эстетика смыслообразования. М. : Дом-музей М. Цветаевой, 2004. 192 с.
6. **Крицкая Н.В.** Специфика языковых средств в поэме М. Цветаевой «Молодец» // Марина Цветаева: Эпоха, культура, судьба : сб. докл. X цветаевской междунар. науч.-темат. конф. М. : Дом-музей М. Цветаевой, 2003. С. 358–364.
7. **Токарев С.А.** Сущность и происхождение магии // Исследования и материалы по вопросам первобытных верований. М., 1959. Т. 51.
8. **Фрейд З.** Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб. : Алетейя, 1997. 224 с.
9. **Зеленин Д.К.** Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1, 2 // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1929–1930. Т. 8, 9.
10. **Малкова Ю.В.** Своеобразие мифологизма в творчестве М.И. Цветаевой 20-х гг. («После России» – «Молодец» – «Федра») : дис... канд. филол. наук. СПб., 2000. 197 с.
11. **Мейкин М.** Марина Цветаева: поэтика усвоения. М. : Дом-музей М. Цветаевой, 1997. 312 с.
12. **Цветаева М.И.** Собрание сочинений в семи томах. М. : Эллис Лак, 1993–1995.
13. **Цветаева М.И.** Неизданное. Сводные тетради. М. : Эллис Лак, 1997. 640 с.
14. **Толстой Н.И.** Аминь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 105.

15. *Толстой Н.И.* Богородица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 217–219.
16. *Капица Ф.С.* Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы. М.: Флинта; Наука, 2001. 216 с.
17. *Цветаева М.И.* Неизданное. Записные книжки : в 2 т. М.: Эллис Лак 2000, 2000–2001. Т. 1.
18. *Маслова В.А.* Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой : учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2004. 256 с.
19. *Архипенко Н.А.* Лексика мифологической системы донских казаков как части духовной культуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2000. 28 с.
20. *Ли Янг Ий.* Поэма-сказка Марины Цветаевой «Царь-Девница» (Фольклорные контексты поэта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 23 с.
21. *Проценко Б.Н.* Духовная культура донских казаков: Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов н/Д, 1998. 322 с.
22. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М.: Рус. яз., 1989–1991. Т. 2.
23. *Словарь* русского языка : в 4 т. / под общ. ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2.
24. *Коркина Е.Б.* Лирический сюжет в фольклорных поэмах М. Цветаевой // Русская литература. 1987. № 4. С. 161–167.
25. *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. 842 с.
26. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в четырех томах. М.: Прогресс, 1964–1975. Т. 3.
27. *Толстой Н.И.* Бог // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 202–203.

Сведения об авторе:

Полякова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» Ростовского государственного университета путей сообщения (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: ruter_olga@mail.ru

Поступила в редакцию 29 октября 2016 г.

TABOOING OF THE WORDS OF THE THEMATIC GROUP “RELIGION” IN FOLKLORE POEMS OF M. TSVETAeva

Polyakova O.A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chair “Mass Communications and Applied Linguistics”, Rostov State Transport University (Rostov-on-Don, Russia). E-mail: ruter_olga@mail.ru.

DOI: 10.17223/19996195/36/8

Abstract. This article is devoted to tabooing of words of a theme group “religion” in so-called folklore poems of M. Tsvetaeva. They are meant as the poems written on national plots (“Molodets”, “Tsar-Devitsa”, “Pereulochki”, “Egorushka”). Folklore basis of these poems does lawful an integrated approach to studying of taboo-words and allows to consider them as archaic. Works in the field of ethnography, folklore, ethnolinguistics, modern Russian, etc. are attracted as a scientific basis. Researching of words of a theme group “religion” supplements the analysis of verbal tabooing undertaken by the author in 2007 on the example of other theme groups (“evil spirits”, “death”, “names”, “people”, “food”, etc.). Methods of interpretation of the art text and linguistic material, the semantic, phonetic and structural analysis, comparison, description and also a comparative-historical method are applied. The analysis and the description of tabooing of the words in archaic and modern (etiquette) forms in a

poetic idiolect of M. Tsvetaeva, allocation of traditional lines of a taboo and euphemisms and their author's features, their semantic and structural classification are the main goal of the largescale scientific work. Semantically taboos of a theme group "religion" are allocated for words and phrases *God, the Virgin, an angel, hell, paradise, a sin (adultery), the apostle Pyotr, amen*. Tabooing of these words is traditional, but isn't realized by modern native speakers as the ban. Euphemistic replacements are the main form of verbal tabooing. Selection of euphemisms is based on the ideas of appearance of images, their functions, the spatial characteristic of the phenomena, general for Christian and national consciousness. Tabooing is carried out by the way of unfinished word once. This unfinished word is caused not only semantic, but also by plot that is a characteristic of the untold words in folklore poems of M. Tsvetaeva. Functions of euphemisms of this theme group are reflection of national ideas of the main Christian concepts, about a peace arrangement and underlining of a folklore basis of poems of M. Tsvetaeva.

Keywords: tabooing; M. Tsvetaeva; taboo; euphemism; unfinished word; folklore poems.

References

1. Ruter O.A. (2007) *Tabu v fol'klornyh poemah M. Cvetaevoy (lingvisticheskij aspekt)* [A taboo in folklore poems of M. Tsvetaeva (a linguistic aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
2. Ruter O.A. (2007) *Tabu v fol'klornyh poemah M. Cvetaevoy (lingvisticheskij aspekt)* [A taboo in folklore poems of M. Tsvetaeva (a linguistic aspect)]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
3. Tverdohleb O.G. (2016) Jevfemizmy v sfere ustnogo narodnogo tvorchestva [Euphemisms in the sphere of folklore]. *Yazyk i kul'tura. Ser. Lingvistika – Language and culture. Series "Linguistics"* 1 (33). pp. 82-94.
4. Avrorin V.A. (1975) *Problemy izuchenija funkcional'noj storony jazyka: K voprosu o predmete sociolingvistiki* [Problems of studying of the functional party of language: To a question of a sociolinguistics subject]. Leningrad: Nauka.
5. Ljutova S.N. (2004) *Maksimilian Voloshin i Marina Cvetaeva: Jestetika smysloobrazovaniya* [Maksimilian Voloshin and Marina Tsvetaeva: senseformation's esthetics]. Moscow: M. Tsvetaeva's house museum.
6. Krickaja N.V. (2003) Specifika jazykovyh sredstv v pojeme M. Cvetaevoy «Molodec» [Specifics of language means in M. Tsvetaeva's poem "Molodets"]. *Marina Cvetaeva: Jepoha, kul'tura, sud'ba* [Marina Tsvetaeva: Era, culture, destiny]. Proceedings of the X International Scientific and Thematical Conference. Moscow: M. Tsvetaeva's house museum. pp. 358-364.
7. Tokarev S.A. (1959) Sushhnost' i proishozhdenie magii [Essence and an origin of magic]. *Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnyh verovanij – Researches and materials concerning primitive beliefs*. Vol. 51. Moscow.
8. Frejd Z. (1997) *Totem i tabu. Psihologija pervobytnoj kul'tury i religii* [Totem and taboo. Psychology of a primitive culture and religion.]. St. Petersburg: Aleteija.
9. Zelenin D.K. (1929–1930) Tabu slov u narodov Vostochnoy i Severnoy Azii [Taboo of the words among the peoples of the East and North Asia]. *Sbornik muzeja antologii i etnografii. – Almanac of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Vol. 8–9. St. Petersburg.
10. Malkova Ju.V. (2000) *Svoeobrazie mifologizma v tvorchestve M.I. Cvetaevoy 20-h gg. ("Posle Rossii" – "Molodec" – "Fedra")* [A mythologism originality in creativity of the 20th by M.I. Tsvetaeva ("After Russia" – "Molodets" – "Fedra")]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
11. Mejkin M. (1997) *Marina Cvetaeva: poetika usvoeniya* [Marina Tsvetaeva: assimilation poetics]. Moscow: M. Tsvetaeva's house museum.

12. Cvetaeva M.I. (1993–1995) *Sobranie sochinenij v semi tomah* [Collected works in 7 volumes]. Moscow: Jellis Lak.
13. Cvetaeva M.I. (1997) *Neizdannoe. Svodnye tetradi* [Unpublished. Summary notebooks]. Moscow: Jellis Lak.
14. Tolstoj N.I. (1995) Amin' [Amen]. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvistich. slovar'* – *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*. V. 1. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija.
15. Tolstoj N.I. (1995) Bogorodica [Virgin]. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvistich. slovar'* – *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*. V. 1. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija. pp. 217–219.
16. Kapica F.S. (2001) *Slavjanskije tradicionnye verovanija, prazdniki i ritualy* [Slavic traditional beliefs, holidays and rituals]. Moscow: FLINTA publ.; Nauka.
17. Cvetaeva M.I. (2000–2001) *Neizdannoe. Zapisnye knizhki* [Unpublished. Notebooks]. Moscow: Jellis Lak.
18. Maslova V.A. (2004) *Pojet i kul'tura: konceptosfera Mariny Cvetaevoj: uchebnoe posobie* [Poet and culture: Marina Tsvetaeva's konceptosfer: manual]. Moscow: FLINTA; Nauka.
19. Arhipenko N.A. (2000) *Leksika mifologicheskij sistemy donskih kazakov kak chasti duhovnoj kul'tury* [Lexicon of mythological system of the Don Cossacks as parts of spiritual culture]. Abstract of Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
20. Li Jang Ij. (1996) *Pojema-skazka Mariny Cvetaevoj «Car'-Devica» (Fol'klornye konteksty pojeta)* [Marina Tsvetaeva's poem fairy tale "Tsar-devitsa" (Folklore contexts of the poet)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
21. Procenko B.N. (1998) *Duhovnaja kul'tura donskih kazakov: Zagovory, oberegi, narodnaja medicina, pover'ja, primety* [Spiritual culture of the Don Cossacks: Plots, charms, traditional medicine, beliefs, signs]. Rostov-on-Don.
22. Dal' V.I. (1989–1991) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka* [Explanatory dictionary of living great Russian language]. Moscow: Russkij yazyk.
23. Evgen'eva A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of Russian Language]. Moscow: Russkij yazyk.; Polygrafresursy.
24. Korkina E.B. (1987) *Liricheskij sjuzhet v fol'klornyh poemah M. Cvetaevoj* [A lyrical plot in folklore poems of M. Tsvetaeva]. *Russkaja literatura – Russian Literature* 4. pp. 161–167.
25. Cejtin R.M., Večerka R., Blagova E. (ed.) (1999) *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X–XI vv.)* [The old Slavic dictionary (according to manuscripts of the 10–11th centuries)]. Moscow: Russkij yazyk.
26. Fasmer M. (1964–1975) *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka v chetyreh tomah* [The etymological dictionary of Russian in 4 volumes]. Moscow: Progress.
27. Tolstoj N.I. (1995) Bog [God] *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvistich. slovar'* – *Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary*. V. 1. Moscow: Mezhdunar. otnoshenija. pp. 202–203.

Received 29 October 2016